

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Научная статья
УДК 930(470+475)"19"
ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени
03.23.07: Историография и источниковедение Истории России
DOI 10.35231/25422375_2022_3_103

Отражение национальной политики Российской империи на среднеазиатских окраинах в трудах русских востоковедов (конец XIX – начало XX в.)

С. Н. Брежнева

В статье анализируется национальная политика Российской империи на присоединенных территориях Средней Азии. Основное внимание уделено ее оценке в трудах русских востоковедов. Включение в состав Российской империи огромного мусульманского региона закономерно активизировало интерес отечественных ученых к местному населению. При этом необходимо подчеркнуть направленность материалов русских авторов на обоснование «цивилизаторской миссии» России по отношению к отсталым народам. В дореволюционных работах идея о высокой цивилизаторской миссии русского народа широко распространялась и как бы служила аргументацией для объяснения необходимости нести «блага» «непросвещенным народам». С этой точки зрения анализировалась и национальная политика, проводимая российскими властями. Отношение рассматриваемых авторов к национальной политике не носило однозначного характера. А в начале XX в. в работах востоковедов преобладала критика действий российской администрации.

Ключевые слова: Российская империя, Средняя Азия, национальная политика, ислам, труды русских востоковедов, критика.

Для цитирования: Брежнева С.Н. Отражение национальной политики Российской империи на среднеазиатских окраинах в трудах русских востоковедов (конец XIX – начало XX в.) // История повседневности. 2022. № 3. С. 103–123. DOI 10.35231/25422375_2022_3_103

В настоящее время в рамках исследования имперской проблематики историки дискутируют по поводу влияния Российской империи на народы, проживающие на присоединенных территориях. Нередко в адрес России звучат обвинения, особенно со стороны представителей бывших советских республик, в геноциде и пагубном влиянии на население ее национальных окраин. Для беспристрастного ответа на вопрос, хорошо или плохо было народам присоединенных территорий в составе Российской империи, небесполезно обращение к мнению русских историков, являвшихся живыми свидетелями происходящих событий. В полной мере это относится к среднеазиатским окраинам России.

Национальной политике России рубежа XIX–XX вв. посвящено немало исследований. В советский период эта проблема рассматривалась в русле утвердившейся концепции «добровольного присоединения и его прогрессивного значения». Для работ тех лет характерно затушевывание негативных моментов российской политики и развитие формулы прогрессивных последствий присоединения Туркестана к России, выразившихся «в великой дружбе с русским пролетариатом», оказавшим огромное влияние на среднеазиатские народы. Советские историки вынуждены были отталкиваться от этого положения и следовать сложившимся установкам [1–3].

После распада СССР в 90-х годах прошлого века отечественные историки стали проявлять интерес к имперской проблематике, и в частности – к проводимой Российской империей на ее окраинах национальной политике. По мнению большинства историков, писавших о российской политике в Туркестанском крае, русская администрация проводила на осваиваемой территории политику гражданского равенства и распространения прогрессивной культуры [4–6]. Конечной целью национальной политики Российской империи авторы называли органичное включение национальных окраин в ее состав [7]. Однако наряду с заверениями об исключительно положительных последствиях российского присутствия в Туркестане, в историографии того периода встречается и критика национальной политики России, проводимой на окраинах [8].

В начале XXI в. наблюдается всплеск интереса историков к национальной политике Российской империи, проводи-

мой ею на присоединенных территориях. Не последнюю роль здесь сыграло появление большого количества работ историков Ближнего зарубежья, негативно оценивавших российское присутствие на территории Средней Азии. За двадцать лет российскими историками написано немало интересных полновесных работ, так или иначе затрагивавших национальную политику Российской империи на территории Туркестана [9–13].

Безусловно, историки, работавшие над среднеазиатской проблематикой, обращались к трудам дореволюционных русских востоковедов. Историографическому анализу посвящено несколько монографий [14–16]. Однако исследований, рассматривавших национальную политику Российской империи в работах дореволюционных востоковедов, явно недостаточно. Заполнение образовавшегося пробела и побудило автора настоящего исследования обратиться к данной теме.

Завоевание и присоединение к России среднеазиатских территорий привело не только к знакомству русских с многочисленными народами, проживавшими здесь, но и к столкновению с иным религиозным фундаментом, базировавшимся на исламе. Конечно, Российская империя была уже знакома с мусульманской идеологией, в ее составе находились башкиры, а обладая опытом Кавказской войны, русские имели представление о совершенно другом мировосприятии приверженцев ислама. Но в Средней Азии находился центр мусульманского мира – Бухарский эмират, и Россия обязана была с этим считаться. Поэтому ни о каком православном миссионерстве не могло быть и речи, более того, изначально первым туркестанским генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом (1867–1881) была провозглашена политика «игнорирования ислама». Она подразумевала невмешательство русских властей во внутренние дела мусульманской общины, а также недопущение на территорию края христианских миссионеров.

Отношение к данной политике у русских востоковедов различное. Одни считали ее единственно верной в тех условиях, другие критиковали. Надо отметить, что к первым в основном относились те, кто писал о русской национальной политике в Туркестане в XIX в., ко вторым – представители более

позднего периода начала XX в., когда уже стало возможным подведение определенных итогов.

Правда, несмотря на официальные заверения о невмешательстве, туркестанские власти, игнорируя исламские институты, как политическую силу, тем не менее, устанавливали за ними государственный контроль. Так, согласно «Положению 1867 г. об управлении Туркестанским краем», была упразднена мусульманская судебная должность казы-кеяна, а также раисов, наблюдавших за исполнением правил шариата. Власти пошли также на отмену закята (обязательного ежегодного налога), являвшегося одним из пяти столпов ислама. С целью ослабления влияния мусульманских авторитетов на простой народ, Кауфман ввел на территории Туркестана выборность судей – казиев, которым мог стать и светский человек.

Однако по истечении времени российская администрация получила обратный результат. Русский чиновник, участник среднеазиатских походов, автор ряда очерков по истории Туркестана Ю.Д. Южаков в своей работе «О земских начальниках в Туркестане» подчеркивал, что влияние ислама нигде так не выражается, как в шариатских судах. «Суд их, шариатский для них родной и понятный» [17, с. 3] – писал он. Поэтому попытка ввести в жизнь мусульманских судов выборное начало, привела к плачевным последствиям. Не было случая, чтобы «туземцы» добровольно обратились в русский суд, поскольку они дорожили своими судами.

Произведение известного русского историка, этнографа и географа М.И. Венюкова «Исторические очерки России со времен Крымской войны до заключения Берлинского договора 1855–1878 гг.» можно назвать оппозиционным российскому правительству. Оно было написано за границей с использованием широкого круга источников, в том числе и «полуофициальных», по выражению автора. Уже в предисловии автор с сожалением отмечает неудовлетворительное состояние исторической науки в Российской империи: «Деспотическое правительство, подвергая цензуре книги, выходящие в России, делает невозможным появление у себя дома сочинений, которые бы знакомили с действительным содержанием русской исторической жизни» [18].

Труд содержал критику российской национальной политики в Туркестане. Венюков приводил факты злоупотреблений русских властей, из чего следовал вывод о слабости русской колонизации и ненадежности мусульманского населения [18, с. 275–276]. Звучало также предупреждение о возможности всеобщего восстания местного населения [18, с. 264].

Весьма любопытны взгляды Венюкова на ислам и контакты с исповедующим его местным населением. Первоначально он видел в этой религии препятствие для российского проникновения в Туркестан, именуя мусульман «хищниками», которых предстоит «смягчить и умиротворить». В дальнейшем же его взгляды несколько изменились, и в исламе он разглядел новые ресурсы, считая, что с его помощью не исключено создание в среде местного населения ориентированной на Россию торговой прослойки для укрепления ее позиции в Туркестане [19, с. 64].

По своей политической направленности историческая концепция Венюкова была ориентирована на показ неспособности Российской империи обеспечить национальные интересы, как русского, так и всех остальных народов России. Тем не менее, Венюков признавал позитивные перемены, которые происходили в Средней Азии после присоединения ее к России. Одним из главных прогрессивных последствий он считал распространение в этом крае европейской науки. В одной из своих работ он подчеркивал, что только включение данного региона в состав России дало возможность беспрепятственно изучать Среднюю Азию, что до этого науке было недоступно [20, с. 71].

Основным оппонентом Кауфмана и его политики «игнорирования ислама» являлся первый военный губернатор Туркестанской области, а после смерти Кауфмана туркестанский генерал-губернатор М.Г. Черняев (1882–1884). Он выступал за активное сотрудничество с исламской элитой, полагая, что в союзе с ней легче будет примирить местное население с новой властью. На назначение «ташкентского льва» на высокую должность мусульманская верхушка возлагала большие надежды. О ее особом отношении к Черняеву писали и занимавший в Туркестанском крае различные должности по военному народному управлению подполковник Уральского казачьего

войска А.П. Хорошхин [21, с. 24], и востоковед Н.П. Остроумов [22]. Позже, изучив все документы и переписку того времени, российский военный историк А.Г. Серебренников свидетельствовал, что Черняеву удалось вполне «замирить город не силой, а введением основ самоуправления и полного невмешательства в религиозные дела» [22]. «Устроителем шариатской политики» назвал его тайный советник Г.П. Федоров, почти сорок лет прослуживший в Туркестанском крае [23, с. 437].

В январе 1884 года по распоряжению М.Г. Черняева была образована Комиссия для выработки проекта особого духовного управления для мусульман края, которая состояла из мусульманских богословов и правоведов. Однако проекту не суждено было осуществиться, т.к. после отставки Черняева Комиссия была распущена, а вопрос о местном духовном управлении был передан для решения в Министерство внутренних дел.

Государственный принцип Российской империи по управлению национальными окраинами не включал в себя обращение в православие присоединенных народов. Поэтому русская администрация и руководство Русской православной церкви заняли отрицательную позицию в отношении христианизации народов Средней Азии. Однако российская администрация стремилась воспрепятствовать распространению ислама среди киргизов-кочевников. Так, дипломатический чиновник при оренбургском и самарском генерал-губернаторе М.Н. Галкин в своей записке «Некоторые замечания о киргизах в отношении их к России» писал: «Киргизы не имеют никакой религии, но они считают себя мусульманами, однако, большая их часть не имеет представления об этой религии» [24, л. 4]. Между тем, они считались подданными России, хотя сами называли себя подданными эмира. Поскольку Бухарский эмират представлял собой центр мусульманского фанатизма, то приверженность кочевому населению мусульманской вере, как считал М.Н. Галкин, представляла собой большую опасность для России.

Участник среднеазиатских походов, этнограф и военный писатель, полковник А.П. Хорошхин, статьи которого печатались в начале 70-х гг. XIX в. в «Военном сборнике» и в газете «Туркестанские ведомости», также был уверен в угрозе пропаганды ислама среди горного кочевому населения, еще полно-

стью не определившегося в своих религиозных пристрастиях. Он писал о необходимости упрочения русского влияния среди тех народов, которые уже находились в русском подданстве, «иначе цель правительства – умиротворить край, – не будет достигнута» [21, с. 25].

Хорошхин был уверен в том, что до прихода русских Средняя Азия была отсталой страной именно из-за мусульманского духовенства, которое «держало все в замкнутости». Без России, уверен автор, Средней Азии «никогда бы не проснуться, и участь ее – оставить по себе лишь кучи глины – была бы неизбежной» [21, с. 11]. По свидетельству А.П. Хорошкина, с приходом русских дороги для продвижения караванов стали безопасны, было уничтожено рабство. Началось интенсивное исследование края, возросла конкуренция в торговле. Являясь сторонником жестких мер по отношению к среднеазиатскому населению Хорошхин считал, что «только постоянным успехам оружия, сделавшим русское имя грозным и уважаемым во всей Средней Азии» [21, с. 24] русские обязаны своему влиянию на туземцев.

А.П. Хорошхин был участником военных походов на Бухару (1868 г.), Хиву (1873 г.) и Коканд (1875 г.). В 1875 г. после установления над Хивинским ханством протектората состоял в составе Совета, учрежденного при хивинском хане. В последнем походе при взятии Кокандской крепости Махрам (1875 г.) он был убит. После гибели все его статьи были собраны и изданы по распоряжению Кауфмана в виде сборника, который содержит разнообразные и интересные сведения о Туркестанском крае.

Из преемников К.П. фон Кауфмана, пожалуй, только генерал-губернатор Н.О. фон Розенбах (1884–1889) проявил внимание к вопросу о противодействии исламизации кочевников. В июле 1884 г. при нем была образована специальная комиссия под председательством военного губернатора Сыр-Дарьинской области генерал-майора Н.И. Гродекова, считавшегося знатоком кочевого населения Туркестана. Гродеков предлагал не разрушать «родового начала», напротив, способствовать употреблению обычного права (адата) в противовес шариату. Параллельно же предлагалось представить кочевникам русский суд как форму «конечную и наиболее желательную».

От своих подчиненных Н.И. Гродеков требовал знание местных языков, «настаивал на сознательном усвоении ими языка, быта, верований туземного населения, чтобы быть ближе к последнему и понимать его нужды и желания» [25, с. 144]. Относясь к своим обязанностям военного губернатора очень ответственно, он часто ездил по области, так как «с недоверием прочитывал донесения уездных начальников» [23, с. 455].

Одним из важнейших направлений своей деятельности на посту военного губернатора Н.И. Гродеков считал создание сборника нормативных положений обычного права – адата. С целью сбора сведений был выбраны филолог и историк А.Н. Вышнегорский, владевший казахским, узбекским и персидским языками и известный знаток Туркестана В.П. Наливкин, разработавший программу сбора постановлений адата. В результате трудоемкой и кропотливой работы в 1889 г. в Ташкенте вышла книга «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области» [26], за которую Н.И. Гродеков был избран в действительные члены Русского географического общества. Однако результаты работы комиссии, выработавшей ряд полезных идей и решений, реализованы не были.

В 1886 г. при Розенбахе было утверждено «Положение об управлении Туркестанским краем», которое вводило независимые от туркестанской администрации областные суды и прокурорский надзор при них [27, с. 329]. На основе «Положения» российские власти изъяли большое количество земель, принадлежавших кочевому населению, и создали земельный фонд для раздачи русским поселенцам [27, с. 341]. Это привело к падению авторитета российской власти в Туркестане и снижению ее контрольных функций. Военный востоковед, генерал М.А. Терентьев, прослуживший в Туркестане сорок лет, считал причиной этого ослабление роли военных в управлении краем и недостаточный контроль над деятельностью мусульманского духовенства [28, с. 485–486].

Осложнение отношений с мусульманской элитой и духовенством произошло при туркестанском генерал-губернаторе А.Б. Вревском (1889–1898), требование которого произносить «молитву за царя» при чтении намаза, вызвало резкое неприятие со стороны мусульман. При нем в Ташкенте в 1892 г. разразился «холерный бунт», а затем в 1898 г. кровопролитное

Андижанское восстание, носившее ярко выраженный антирусский характер. Разобраться в причинах восстания предстояло новому генерал-губернатору С.М. Духовскому (1898 – 1 января 1901). Им был представлен Всеподданнейший доклад Николаю II «Ислам в Туркестане», который содержал анализ причин неудачной национальной политики российской власти в Туркестане. В докладе был сделан вывод о том, что в силу враждебности мусульманской религии христианской культуре «дальнейшее игнорирование мусульманства представляется не только нежелательным, но и невозможным» [29, л. 7]. Реляция содержала предложение о выработке плана отношения к исламу, который включал в себя упразднение всех мусульманских духовных управлений и передачу их функций центральному управлению.

С.М. Духовским была создана Комиссия, которая предлагала учредить в Туркестанском крае муфтиат, управлявший религиозными делами мусульман. Военный министр А.Н. Куропаткин также высказался за контроль над действиями мусульманского духовенства. Однако все эти предложения остались нереализованными из-за медлительности российской бюрократии. К тому же сказались опасения туркестанской администрации, что муфтиат может стать центром панисламистской и пантюркистской пропаганды. На ситуацию повлияло и противостояние МВД и Военного министерства. Первое ведомство настаивало на подчинении Туркестана общеимперским порядкам, а второе не хотело терять потенциальное «наместничество». Таким образом, официальный Петербург не признал целесообразным создание муфтиата в Туркестанском крае. Все попытки организовать государственное управление туркестанскими мусульманами оказались тщетными. «Игнорирование ислама» оставалось генеральной линией конфессиональной политики российских властей в регионе.

С этого периода русские ориенталисты стали демонстрировать более критичное отношение к произошедшим в Туркестане изменениям, связанным с проведением национальной политики русской властью.

В этом плане показательны произведения русского этнографа и исследователя Туркестана, участника среднеазиатских военных походов В.П. Наливкина. Его известный труд

«Туземцы раньше и теперь» является плодом 40-летнего наблюдения за коренным населением. В.П. Наливкин одним из первых дореволюционных исследователей, объявил о своем негативном отношении к существовавшему в Туркестане режиму правления, считая его чрезмерно жестким и подверженным коррупции [30, с. 60]. Владимир Петрович считал, что представители русской администрации сами виновны в том, что «туземцы» перестали им повиноваться. Не зная местного языка, русские не хотели его учить, довольствуясь услугами невежественных переводчиков. Таким образом, расширялась пропасть между русской местной администрацией и народом, «а между ними выросла стена, состоящая из туземной администрации, торгашей и переводчиков» [30, с. 73].

Сам В.П. Наливкин являл собой пример настоящего просветителя, знатока местных обычаев. Ведя преподавательскую деятельность в учительской семинарии, он разработал курсы узбекского и таджикского языков, создал первый учебник русско-туземных школ, написал «Краткую историю Кокандского ханства», основанную на местных письменных источниках, и потому представлявшую большую ценность для востоковедов, издал первый на узбекском языке очерк русской истории. Совместно с супругой Марией Наливкин написал «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов, с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда». Кроме того, из-под его пера вышли «Сартовско-персидская хрестоматия», «Руководство к практическому изучению сартовского языка», «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь».

За шесть лет преподавания в учительской семинарии В.П.Наливкин сумел продуманно организовать занятия с семинаристами и внушить им интерес и даже любовь к культуре и нравам коренного населения Туркестанского края. Поэтому он имел полное право требовать от представителей местной администрации соблюдения обычаев и языка коренных народов, ему особенно хорошо были видны все изъяны в управлении краем.

Наливкиным был сделан вывод, что за 40 лет влияние русских в Туркестане неизмеримо ослабло, что сказалось «в крупном шаге к объединению всего местного мусульманского на-

селения под влиянием иноземного владычества» [30, с. 75]. «Мы своими руками – писал Наливкин, – неустанно утолщали эту живую стену, уже стоявшую между нами и народной жизнью; мы искусственно плодили клику мошенников, нагло обворовывавших нашу подслеповатую, глухую, немую и не совсем чистую на руку администрацию, мошенников, ловко отводивших глаза этой администрации от всего того, что ей следовало бы видеть и знать» [30, с. 73].

Еще одним автором, осуждавшим действия центральной и местной администрации в Средней Азии, являлся писатель и военный публицист, востоковед Д.Н. Логофет. Дмитрий Николаевич стал одним из первых европейских исследователей Закаспийской области, а после создания в 1897 г. Туркестанского отдела Русского Географического общества активно участвовал в его работе. Зная, что ему предстоит нести службу в Средней Азии, Логофет закончил курсы восточных языков в Санкт-Петербургском археологическом институте, что дало ему возможность общаться с местным населением без переводчиков. Наблюдая во время инспекционных поездок за жизнью жителей Бухарского эмирата, Логофет описал свои впечатления в многочисленных заметках, написанных в форме исторических очерков.

В масштабной работе «Бухарское ханство под русским протекторатом» он, проанализировав состояние эмирата по прошествии нескольких лет с момента установления протектората, отмечал ослабление русской власти [31, с. 14]. Логофет повествовал также о бесправном положении коренного населения в Бухарском эмирате, о произволе бухарской администрации, которая далека была от мысли совместного существования с Россией. Обо всем этом он писал в произведении «Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние» [32], которое специально было посвящено вниманию III Государственной думы. Эти книги в пикку России были переведены на английский язык и изданы в Англии. После того, как об этом стало известно эмиру Бухарскому, разразился скандал. По настоянию Министерства иностранных дел Д.Н. Логофет был подвергнут аресту на 121 сутки. Лишь по ходатайству туркестанского генерал-губернатора, генерал-адъютанта П.И. Мищенко (1908–1909), дело против

него было прекращено с объявлением ему Высочайшего выговора.

Анализируя состояние Бухарского эмирата по прошествии нескольких лет с момента установления протектората России, Логофет критиковал министерство иностранных дел за то, что оно выступило против открытого вмешательства русских во внутренние дела Бухары [32, с. 142, 168, 169–170]. Большой вред, по его мнению, принесло игнорирование мнения людей, хорошо изучивших ситуацию в среднеазиатском регионе. Ссылаясь на М.А. Терентьева, Логофет отмечал, что в свое время правительством было проигнорировано мнение генерала Черныева о присоединении Бухарского эмирата к России, что повлекло за собой негативные последствия [31, с. 10]. Стремясь доказать неизбежность присоединения Бухары к России, автор в самых мрачных тонах рисовал внутреннее положение эмирата, рассказывал о тяжелой жизни народных масс, называл бухарцев «вымирающим народом» [32, с. 8–9, 207], обвинял Россию в том, что она «...за 40-летний период своего протектората действительно почти ничего не сделала в Бухаре» [32, с. 142].

Наблюдая жизнь в эмирате Логофет отмечал активизацию ислама, что, по его мнению, могло представлять опасность для России. Например, в очерке «Через Бухару» он описывал дервишей, замечая, что «большинство русских мало знакомых с краем и мусульманством, склонны относить дервишей к числу безобидных русских юродивых» [33, с. 210]. Однако дервишские ордена имеют огромное влияние на мусульманское население всего Востока, составляя главные очаги религиозного фанатизма. Опираясь на мнение очевидца, Логофет предупреждал о возможности антирусского восстания, так как ему, как правило, всегда предшествовало появление большого числа дервишей.

Логофет предпринял попытку анализа роли и характера административных реформ, проведенных Россией в Бухарском эмирате после завоевания. Причинами ослабления русской администрации Логофет называл: некомпетентность некоторых политических деятелей, половинчатость реформ, несоблюдение местных традиций.

Логофет считал, что Россия не имеет нравственного права закрывать глаза на все то, что делалось бухарским правитель-

ством в ханстве под прикрытием русской власти. Однако действовать нужно осторожно, чтобы не допустить какого-либо взрыва в Бухаре. Логофет был уверен в том, что Бухарский эмират все равно станет частью России, но инициатива должна исходить от нее.

В начале XX в. нерешенные проблемы Туркестанского края стали усугубляться, оказывая влияние на изменение национальной политики. Туркестанская администрация все чаще стала оглядываться на мусульманское мировоззрение и культуру как на обязательную и составляющую часть жизни жителей Туркестана. Отсюда и усиление внимания к национальным проблемам со стороны востоковедов.

Выдающийся востоковед и педагог Н.П. Остроумов в своей работе «Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае», изданной в 1910 г. и вошедшей в «Кауфманский сборник», провел анализ всей деятельности русской администрации, начиная со времени завоевания края. Остроумов с грустью констатировал, что за более чем 40-летний период российская власть не только не укрепила своих позиций относительно мусульманского населения, но и значительно ослабила их. Так политика игнорирования и отсутствие контроля за мусульманским обучением привела к активизации деятельности мусульманского клерикализма. Остроумов настаивал на том, что носителем знаний должна быть именно русская школа, а представители коренного населения должны понимать, что мусульманское образование не может предоставить тех знаний, которые необходимы им для службы на благо Российской империи [34, с. 146].

В качестве основных причин провала имперской национальной политики в Туркестане Остроумов назвал игнорирование русскими администраторами духовного склада коренного населения: «Многие администраторы в Туркестане даже не считали нужным придавать Корану, Шариату и мусульманской школе значение в культурной жизни туземного населения...» [35]. Остроумов считал ошибкой Кауфмана ориентацию на политику «игнорирования ислама», так как через 50 лет русского правления в Туркестане, «мы не увидим ни ослабления в крае мусульманской культуры, ни сближения туземцев Туркестана с Россией» [35].

С опасением Н.П. Остроумов писал о джадидах, которые, по его мнению, враждебно относились к проникновению русской культуры в мусульманский мир [34, с. 155]. Николай Петрович не раз подчеркивал, необходимость уделять большее внимание мактабам и медресе, где работают местные учителя. Их следовало взять под контроль, иначе они попадут под влияние людей, стремящихся к единению мусульманского мира.

Остроумов утверждал, что мусульманские школы, при отсутствии контроля за ними со стороны русской администрации, значительно окрепли в последние годы и стали рассадником ислама. Это привело к возвращению в ислам ранее «крещеных инородцев» и даже к переходу в мусульманство русских людей [34, с. 154]. О таких случаях красноречиво свидетельствовало письмо Епископа Туркестанского и Ташкентского Дмитрия на имя туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского военного округа А.В. Самсонова от 10 Марта 1910 г. [36]. Не разрешило назревшей проблемы, по мнению Остроумова и создание русско-туземных школ.

Н.П. Остроумов являлся одним из известных специалистов в области изучения ислама. Он начал заниматься изучением мусульманской религии еще в Казанской духовной академии, где учился, а потом работал. С 1877 г. Остроумов жил в Ташкенте, где и проходила его многолетняя служба – сначала в должности инспектора народных училищ, затем директора учительской семинарии (с 1879 г.), директора мужской классической гимназии (с 1889 г.) и вновь учительской семинарии. С 1883 по 1917 г. он являлся также редактором «Туркестанской туземной газеты». Оказавшись в Туркестанском крае в новом для себя качестве, Остроумов вынужден был отойти от миссионерской деятельности, т.к. миссионерство и русификация в Туркестане не поощрялись. Свои русификаторские взгляды Остроумов направил в сторону теоретического осмысления и изучения ислама с учетом колониальных требований туркестанской администрации.

Будучи сторонником «цивилизаторской миссии» русско-го народа по отношению к туземцам, Остроумов всегда подчеркивал, что мусульмане не могут быть дружественны хри-

стианской религии. Он также неоднократно предупреждал об опасности укрепления ислама в Туркестане. С точки зрения Остроумова, русская администрация должна была выработать «такие отношения к туземному населению, которые бы не особенно стесняли его и в то же время были бы согласны с основными государственными интересами России» [37].

Признавая миссионерскую деятельность в Туркестане преждевременной, Остроумов, тем не менее, не отказывался от нее в будущем. Этой теме посвящено несколько его публикаций, направленных на разъяснение того, какую опасность несет России ислам в будущем и как необходимо положить предел его опасной пропаганде не одними только просветительскими, но и миссионерскими мерами.

Призывая русскую администрацию не допускать в дальнейшем колебаний во взглядах на мусульманский вопрос, Н.П. Остроумов просил русское правительство принять ряд мер для разрешения негативной ситуации в миссионерском деле. При этом на его взгляд, выработанные положения должны были согласовываться, «с одной стороны, с законом о веротерпимости, а с другой – с достоинством тысячелетней истории и с будущим господством русского православного народа» [37].

Подводя итог российскому присутствию в Туркестане Остроумов писал: «Да простят мне соотечественники мое искренно-скорбное заключительное слово: огромное большинство нас – плохие культуртрегеры, не только не подготовленные к своей службе в иноплеменном и иноверном крае, но и не стремящиеся выходить из узкой рамки чиновников, смотрящих на службу в Туркестане, как на этап в своей служебной карьере» [34, с. 160].

Историк-востоковед мирового уровня В.В. Бартольд, оценивая национальную политику России в Туркестане, полагал, что отсутствие взаимопонимания между христианами и мусульманами базировалось на завоевании и насилии. Особенно предостерегал он против попыток видеть в «мусульманском фанатизме» причину культурной отсталости народов, попавших под русское владычество, всячески отстаивая и защищая самоценность исламской цивилизации и культуры.

Бартольд считал изучение мусульманской культуры и местных языков обязательным условием для русских администраторов, управлявших Туркестаном. Нежелание же изучать местные языки по свидетельству Василия Владимировича объяснялось тем, что общение чиновника с местным населением на их языке приведет «к умалению престижа русской власти» [38, с. 184].

Бартольдом был создан целый ряд блестящих, тщательно документированных и обобщающих работ по истории исламской цивилизации и исламу, по истории и культуре Туркестана. Его труды «Культура мусульманства», «Ислам», «Мусульманский мир» и многие другие во многом изменили представление об исламской цивилизации в целом. В своих работах он неоднократно затрагивал проблему российско-туркестанских отношений, стремясь рассмотреть не только историю, но и их перспективу с учетом вхождения в состав России народов Туркестана.

В 1912 г. В.В. Бартольд, будучи профессором Санкт-Петербургского университета, членом-корреспондентом Академии наук и благодаря своим работам по истории Средней Азии уже всемирно известным ученым, возглавил солидный и авторитетный журнал «Мир ислама», в котором должны были публиковаться сведения о жизни мусульман в России. Находясь во главе этого издания, Бартольд пытался донести до широкой читающей публики не только свои научные, но и политические взгляды. Он обращал внимание правительства на недостаточное знание ислама в России, где общественное мнение воспринимало мусульманскую религию, как ретроградную и фанатичную. Однако через год ученый был отстранен от этой должности за публикацию ряда статей, в которых он ратовал за изучение русского языка и русской литературы всеми народами, входящими в состав Российской империи. Его обвинили в «национализме».

Труды Бартольда были в большинстве своем написаны еще до революции, но некоторые из них увидели свет уже в период становления советской власти. Безусловно, они явились интеллектуальным прорывом в обстановке тенденциозного политизированного единообразия. Сам же автор обладал большим авторитетом как в высших властных структурах,

так и в просвещенном обществе, причем не только русского, но и среди мусульманской интеллигенции.

Русские востоковеды, так или иначе касавшиеся в своих трудах национальной политики русской администрации в Средней Азии, не сомневались в том, что исламский фактор являлся ключевым во взаимоотношениях российской власти и местного населения. Он пронизывал практически все сферы жизни коренных народов, и поэтому должен был иметь значительное влияние на действия местной администрации. Однако это не всегда имело место. Объяснение ислама через призму православного христианства, христианских ценностей и господствующих традиций европейской цивилизации завело представителей российской администрации в тупик. Иногда подчеркивалась ограниченность мусульманской религии по сравнению с христианской.

В начале XX в. исследователи прямо указывали на недостаточное знание чиновниками местных обычаев и языка, что можно считать одним из решающих факторов провала русской национальной политики в Туркестане. Работы русских востоковедов содержат критику действий русской администрации за бездействие, позволившее мусульманам поднять голову. Андижанское восстание можно считать рубежом, после которого была предпринята попытка изменить «политику игнорирования» ислама, т.к. стала очевидной ее несостоятельность. Однако изменений не последовало, и русские востоковеды высказывали опасения относительно укрепления мусульманской религии. По их мнению, сложившееся пренебрежение к огромному влиянию ислама как образу всей жизни мусульманского населения края (или порой даже неосознанность такого положения дел) свела на нет все результаты проводимой национальной политики Российской империи.

Список литературы

1. Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). – М.: Издательство восточной литературы, 1960. 272 с.
2. Тухтаметов Т.Г. Россия и Бухарский эмират в начале XX века. – Душанбе: Ирфон, 1977. 207 с.
3. Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. – 1983. – № 4. – С. 35–47.
4. Киняпина Н.С. Средняя Азия в планах и действиях России в 60–80-е годы XIX в. // Россия и страны ближнего зарубежья: история и современность. – М.: ИРИ, 1995. – С. 127–142.

5. Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917): по архивным материалам. – Елец, 1998. 320 с.

6. Корнеев В.В. Управление Туркестанским краем: реальность и «правовые мечтания» (60-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.) // Вопросы истории. – 2001. – № 7. – С. 56–70.

7. Васильев Д.В. Становление и развитие системы управления Туркестанского края 1865–1886 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 1999. 290 с.

8. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. – 1995. – № 9. – С. 130–142.

9. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). – М., 2004. 287 с.

10. Бороздин С.С. Политика российских властей в отношении мусульманского населения Туркестана и Бухары (1867–1914): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 2012. 25 с.

11. Литвинов П.П. Благовест над землями ислама: Русский Туркестан. (По архивным, правовым и иным источникам). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. 538 с.

12. Васильев Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. – М.: Изд. РОССПЭН, 2018. 638 с.

13. Волков И.В. Роль России в исторических судьбах народов Средней Азии: дореволюционный период (по архивным, правовым и иным материалам). – М.: Авторская Акад., 2018. 583 с.

14. Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. – Ташкент: «Фан», 1965. 408 с.

15. Арапов Д.Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. – М.: Изд. МГУ, 1981. 128 с.

16. Брежнева С.Н. Проблема присоединения Туркестанского края в дореволюционной историографии. – Тольятти: Изд. ПТИС, 2002. 141 с.

17. Южаков Ю.Д. О земских начальниках в Туркестане. – Ташкент: Типо-лит. С.И. Петухова, 1894. 58 с.

18. Венюков М.И. Исторические очерки России со времен Крымской войны до заключения Берлинского договора 1855–1878: в 4 т. Лейпциг, 1878–1880. – Т. 1: Общий взгляд на эпоху; Перемены в составе государства; Международное положение в России. – Лейпциг: [б. и.], 1878. 431 с.

19. Венюков М.И. Исторические очерки России со времен Крымской войны до заключения Берлинского договора 1855–1878: в 4 т. Лейпциг, 1878–1880. – Т. 2: Вещественные силы России и их развитие. – Вып. 2. – Прага: [б. и.], 1879. 204 с.

20. Венюков М.И. Очерк географических исследований в Азиатской России // Военный сборник. – 1877. – № 7. – С. 37–81.

21. Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся Туркестанского края. – СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1876. 270 с.

22. Бабаджанов Б. Туркестанский конквистадор: взлеты и падения генерала Черняева. URL: <http://mytashkent.uz/2015/02/02/turkestanskij-konkvistador-vzlety-i-padeniya-generalachernyayeva-okonchanie/> (дата обращения: 29.02.2022).

23. Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае. (1870–1906) // Исторический вестник. – 1913. – Т. 134. – № 11. – С. 437–467.

24. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 730. Оп. 1. Д. 341.

25. Мустафин В.А. Николай Иванович Гродеков. Воспоминания – заметки. 1888–1913 гг. // Исторический вестник. – 1915. – Т. 142. – № 10. – С. 141–166.

26. Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. – Т. 1. – Ташкент: Типолитограф. С. И. Лахтина, 1889. 544 с.

27. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание-3. – Т. VI. – 1886. – № 3814. – СПб., 1888.

28. Терентьев М.Г. История завоевания Средней Азии. – Т. III. – СПб.: Типолитография В.В. Комарова, 1906. 526 с.

29. ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 196.

30. Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. – Ташкент: А.Л. Кирснер, 1913. 144 с.

31. Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом: в 2 т. – СПб.: В. Березовский, 1911. – Т. 1. 340 с.

32. Логофет Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. – СПб.: В. Березовский, 1909. 244 с.

33. Логофет Д.Н. Через Бухару. Путевые очерки по Средней Азии // Военный сборник. – 1910. – № 10. – С. 200–218.

34. Остроумов Н.П. Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае // Кауфманский сборник. – М., 1910. – С. 139–160.

35. Мухамедов Ш.Б. Исламский вопрос в Российском Туркестане или была ли альтернатива политике игнорирования. URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/5754/> (дата обращения: 11.08.2021).

36. Письмо Епископа Туркестанского и Ташкентского Дмитрия на имя Военного Губернатора Семиреченской области А.Самсонова от 10 Марта 1910 г. за № 294. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1059397440> (дата обращения: 27.11.2021).

37. Файзрахманов Л.М. Н.П. Остроумов – миссионер и исламовед. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/n-p-ostroumov-missioner-i-islamoved> (дата обращения: 12.10.2021).

38. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. – Л.: Академия наук СССР, 1927. 256 с.

Reflection of the national policy of Russian Empire on the Central Asian outskirts in the works of Russian Orientalists (late 19th – early 20th century)

Svetlana N. Brezhneva

The article describes the national policy of Russian Empire in the annexed territories of Central Asia. The main attention is paid to its evaluation in the works of Russian orientalists. The inclusion of a huge Muslim region into Russian Empire naturally intensified the interest of Russian scientists in the local population. At the same time, it is necessary to emphasize the orientation of the materials of Russian authors to substantiate the "civilizing mission" of Russia in relation to backward peoples. In pre-revolutionary works the idea of high civilizing mission of the Russian people was widely spread and served as an argument to explain the need to bring "benefits" to "unenlightened peoples". From this point of view, the national policy pursued by the Russian authorities was also analyzed. The attitude of the considered authors to national policy was multivalued. At the beginning of the 20th century the works of Orientalists were dominated by criticism of the Russian administration's actions.

Key words: Russian Empire, Central Asia, national politics, Islam, works of Russian Orientalists, criticism.

For citation: Brezhneva, S.N. (2022). Otrazhenie nacional'noj politiki Rossijskoj imperii na sredneazijskih okrainah v trudah russkih vostokovedov (konec XIX – nachalo XX v.) [Reflection of the national policy of Russian Empire on the Central Asian outskirts in the works of Russian Orientalists (late 19th – early 20th century)]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 3. pp. 103–123. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_3_103

References

1. Xalfin N.A. *Politika Rossii v Srednej Azii (1857–1868)* [Russia's Policy in Central Asia (1857–1868)]. M.: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1960. 272 p. (In Russ.)
2. Tuxtametov T.G. *Rossiya i Buxarskij e'mirat v nachale XX veka* [Russia and the Emirate of Bukhara at the beginning of the XX century]. Dushanbe: Irfon, 1977. 207 p. (In Russ.)
3. Kinyapina N.S. *Administrativnaya politika czarizma na Kavkaze i v Srednej Azii v XIX veke* [Administrative policy of Tsarism in the Caucasus and Central Asia in the XIX century] // *Voprosy istorii*. 1983. № 4. pp. 35–47. (In Russ.)
4. Kinyapina N.S. *Srednyaya Aziya v planax i dejstviyax Rossii v 60–80-e gody XIX v.* [Central Asia in the plans and actions of Russia in the 60–80s of the XIX century] // *Rossiya i strany blizhnego zarubezh 'ya: istoriya i sovremennost'*. M.: IRI, 1995. pp. 127–142. (In Russ.)
5. Litvinov P.P. *Gosudarstvo i islam v Russkom Turkestane (1865–1917): po arxivny'm materialam* [The State and Islam in Russian Turkestan (1865–1917): based on archival materials] Elec, 1998. 320 p. (In Russ.)
6. Korneev V.V. *Upravlenie Turkestanskim kraem: real'nost' i «pravovy'e mechtaniya» (60-e gg. XIX v. – fevral' 1917 g.)*. [Management of the Turkestan region: reality and "legal dreams" (60s of the XIX century – February 1917)] // *Voprosy istorii*. 2001. № 7. pp. 56–70. (In Russ.)
7. Vasil'ev D.V. *Stanovlenie i razvitiye sistemy upravleniya Turkestanskogo kraja 1865–1886 gg.* [Formation and development of the management system of the Turkestan region 1865–1886]: diss ... kand. ist. nauk: 07.00.02. M., 1999. 290 p. (In Russ.)
8. Dyakin V.S. *Nacional'nyj vopros vo vnutrennej politike czarizma (XIX v.)*. [The national question in the internal policy of Tsarism (XIX century)] // *Voprosy istorii*. 1995. №9. pp. 130–142. (In Russ.)
9. Arapov D.Yu. *Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossijskoj imperii (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX v.)* [The system of state regulation of Islam in the Russian Empire (the last third of the XVIII – early XX century)]. M., 2004. 287 p. (In Russ.)
10. Borozdin S.S. *Politika rossijskix vlastej v otnoshenii musul'manskogo naseleniya Turkestana i Buxary (1867–1914)* [The policy of the Russian authorities towards the Muslim population of Turkestan and Bukhara (1867–1914)]: Avtoreferat diss...kand. ist. nauk: 07.00.02. Ekaterinburg, 2012. 25 p. (In Russ.)
11. Litvinov P.P. *Blagovest nad zemlyami islama: Russkij Turkestan. (Po arxivny'm, pravovy'm i iny'm istochnikam)* [Evangelism over the lands of Islam: Russian Turkestan. (According to archival, legal and other sources)]. Elec: EGU im. I.A. Bunina, 2014. 538 p. (In Russ.)
12. Vasil'ev D.V. *Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Central'noj Azii. Vtoraya polovina XIX v.* [The burden of empire. Administrative policy of Russia in Central Asia. The second half of the XIX century]. M.: Izd. ROSSPE 'N, 2018. 638 p. (In Russ.)
13. Volkov I.V. *Rol' Rossii v istoricheskich sud' bax narodov Srednej Azii: dorevoljucionny'j period (po arxivny'm, pravovy'm i iny'm materialam)* [The role of Russia in the historical destinies of the peoples of Central Asia: the pre-revolutionary period (according to archival, legal and other materials)]. M.: Avtorskaya Akad., 2018. 583 p. (In Russ.)
14. Lunin B.V. *Srednyaya Aziya v dorevoljucionnom i sovetском vostokovedenii* [Central Asia in Pre-Revolutionary and Soviet Oriental Studies]. Tashkent: «Fan», 1965. 408 p. (In Russ.)
15. Arapov D.Yu. *Buxarskoe xanstvo v russkoj vostokovedcheskoj istoriografii* [The Bukhara Khanate in Russian Oriental Historiography]. M.: Izd. MGU, 1981. 128 p. (In Russ.)
16. Brezhneva S.N. *Problema prisoedineniya Turkestanskogo kraja v dorevoljucionnoj istoriografii* [The problem of annexation of the Turkestan Region in pre-revolutionary historiography]. Tol'yatti: Izd. PTIS, 2002. 141 p. (In Russ.)
17. Yuzhakov Yu.D. *O zemskix nachal'nikax v Turkestane* [About the zemstvo chiefs in Turkestan]. Tashkent: Tipo-lit. S. I. Petuxova, 1894. 58 p. (In Russ.)
18. Venyukov M.I. *Istoricheskie ocherki Rossii so vremen Kry'mskoj vojny' do zaklyucheniya Berlinskogo dogovora 1855–1878*: [Historical sketches of Russia from the time of the Crimean War to the conclusion of the Berlin Treaty 1855–1878]: v 4 t. Lejpcig, 1878–1880. T. 1: *Obshhij vzglyad na e'poxu; Peremeny v sostave gosudarstva; Mezhdunarodnoe polozhenie v Rossii* [A general view of the era; Changes in the composition of the state; The international situation in Russia]. Lejpcig: [b. i.], 1878. 431 p. (In Russ.)
19. Venyukov M.I. *Istoricheskie ocherki Rossii so vremen Kry'mskoj vojny' do zaklyucheniya Berlinskogo dogovora 1855–1878*: [Historical sketches of Russia from the time of the Crimean War to the conclusion of the Berlin Treaty 1855–1878]: v 4 t. Lejpcig, 1878–1880. T. 2: *Veshhestvenny'e sily' Rossii i ix razvitiye* [Material forces of Russia and their development] Vy' p. 2. Praga: [b. i.], 1879. 204 p. (In Russ.)
20. Venyukov M.I. *Ocherk geograficheskix issledovanij v Aziatskoj Rossii* [An essay on geographical research in Asian Russia] // *Voenny'j sbornik*. 1877. № 7. pp. 37–81. (In Russ.)
21. Xoroshxin A.P. *Sbornik statej, kasayushhixsya Turkestanskogo kraja* [Collection of articles concerning the Turkestan region]. Spb.: Tip. i xromolit. A. Transhelya, 1876. 270 p. (In Russ.)
22. Babadzhanov B. *Turkestanskij konkvistador: vzlety' i padeniya generala Chernyayeva* [Turkestan Conquistador: the ups and downs of General Chernyayev]. Rezhim dostupa: <http://mytashkent.uz/2015/02/02/turkestanskij-konkvistador-vzlety-i-padeniya-general-a-chernyayeva-okonchanie/> (data obrashcheniya: 29.02.2022).
23. Fedorov G.P. *Moya sluzhba v Turkestanskom krae* [My service in the Turkestan region] (1870–906) // *Istoricheskiy vestnik*. 1913. T. 134. № 11. pp. 437–467. (In Russ.)

24. Gosudarstvenny' j arxiv Rossijskoj federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation]. F. 730. Op. 1. D. 341.
25. Mustafin V.A. Nikolaj Ivanovich Grodekov. Vospominaniya – zametki. 1888–1913 gg. [Nikolai Ivanovich Grodekov. Memories are notes. 1888–1913] // *Istoricheskij vestnik*. 1915. T. 142. № 10. pp. 141–166. (In Russ.)
26. Grodekov N.I. Kirgizy' i kara-kirgizy' Sy'r-Dar'inskoj oblasti. Yuridicheskij by't. [Kyrgyz and Karakirgiz of the Syr-Darya region. Legal life]. T. 1. Tashkent: Tipolitogr. S. I. Laxtina, 1889. 544 p. (In Russ.)
27. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI)* [The complete collection of laws of the Russian Empire]. 3-e sobranie. T. VI. 1886. № 3814. SPb., 1888. (In Russ.)
28. Terent'ev M.G. *Istoriya zavoevaniya Srednej Azii* [The history of the conquest of Central Asia]. T. III. SPb.: Tipolitografiya V.V. Komarova, 1906. 526 p. (In Russ.)
29. GARF. F. 586. Op. 1. D. 196.
30. Nalivkin V.P. *Tuzemcy ran'she i teper'* [Natives before and now]. Tashkent: A.L. Kirsner, 1913. 144 p. (In Russ.)
31. Logofet D.N. *Buxarskoe xanstvo pod russkim protektoratom* [Bukhara Khanate under Russian protectorate]: v 2 t. SPb.: V. Berezovskij, 1911. T. 1. 340 p. (In Russ.)
32. Logofet D.N. *Strana bespraviya. Buxarskoe xanstvo i ego sovremennoe sostoyanie* [A country of disenfranchisement. Bukhara Khanate and its current state]. SPb.: V. Berezovskij, 1909. 244 p. (In Russ.)
33. Logofet D.N. *Cherez Buxaru. Putevy'e ocherki po Srednej Azii* [Through Bukhara. Travel essays on Central Asia] // *Voenny'j sbornik*. 1910. № 10. pp. 200–218. (In Russ.)
34. Ostroumov N.P. *Kolebaniya vo vzglyadax na obrazovanie tuzemcev v Turkestanskom krae* [Fluctuations in views on the education of natives in the Turkestan region] // *Kaufmanskij sbornik*. M., 1910. pp. 139–160. (In Russ.)
35. Muxamedov Sh.B. *Islamskij vopros v Rossijskom Turkestane ili by'la li al'ternativa politike ignorirovaniya* [The Islamic question in Russian Turkestan or was there an alternative to the policy of ignoring]. URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/5754/> (data obrashheniya: 11.08.2021).
36. Pis'mo Episkopa Turkestanskogo i Tashkentskogo Dmitriya na imya Voennogo Gubernatora Semirechenskoy oblasti A.Samsonova ot 10 Marta 1910 g. za № 294 [Letter of Bishop Dmitry of Turkestan and Tashkent addressed to the Military Governor of the Semirechensk region A.Samsonov dated March 10, 1910 for No. 294] / URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1059397440> (data obrashheniya 27.11.2021).
37. Fajzraxmanov L.M. N.P. *Ostroumov – missioner i islamoved* [N.P. Ostroumov – missionary and Islamic scholar]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/n-p-ostroumov-missioner-i-islamoved> (data obrashheniya: 12.10.2021).
38. Bartol'd V.V. *Istoriya kul'turnoj zhizni Turkestana* [The history of the cultural life of Turkestan]. L.: Akademiya nauk SSSR, 1927. 256 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.07.2022
Одобрена после рецензирования 20.08.2022
Принята к публикации 29.08.2022